

ДИСКУССИИ СМЫСЛЫ ИСТОРИИ РОССИИ

В.Н. Порус

ДВА ЛИКА ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Порус Владимир Натанович – доктор философских наук, ординарный профессор. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21, стр. 4; e-mail: vnporus@hse.ru

В статье указывается на двойной смысл термина «философия истории». В одном смысле это построение историософских схем объяснения исторических процессов, в другом – философско-методологический анализ исторического знания, исследовательских процессов, характерных для исторической науки. Смешение этих смыслов приводит к недоразумениям, нагнетанию напряженности между историей как наукой и философией истории. Однако и резкое их противопоставление ведет к аналогичным нежелательным результатам. Историософия и анализ исторического знания выступают как платформы взаимной критики. Эта критика является необходимым условием решения важнейшей задачи философии истории: участия в формировании исторического сознания современной культуры.

Ключевые слова: история, историософия, философия истории, методология исторической науки, исторический нарратив

Этой статьей я хотел бы принять участие в обсуждении статьи С.А. Никольского «Российская философия истории: опыт понимания», организованном «Философским журналом». Я увидел в ней приглашение к очередному витку методологического анализа философии истории. Здесь, по-видимому, открываются новые перспективы. И как всегда в таких ситуациях, особое значение приобретает уточнение понятий, вокруг которых завязываются проблемные узлы.

Возвращаясь к смыслу

Термин «философия истории» имеет различные смыслы. Они связаны между собой, но смешивать их или принимать один за другой не следует.

1. Философию истории можно понимать как особое занятие философов: конструирование общей картины (теории) исторического процесса. Ее пытаются получить встраиванием описаний исторических событий в последо-

вательность, смысл которой не *выводится* из описанных событий и каузальных связей между ними, а *полагается* предсуществующим по отношению к ним. Исторические события выступают «свидетельствами» общего смысла истории, *указывают* на него, а философ, учитывая эти указания, раскрывает его в понятиях, делает *понятным*. Если этот смысл – в подчинении исторического процесса неким *объективным законам*, философ претендует на знание этих законов. Как получается это знание – отдельный вопрос. Например, К. Маркс построил теорию закономерной смены общественно-экономических формаций, исходя из политэкономического анализа фундаментальных общественных отношений (прежде всего производственных). Это было названо «историческим материализмом». Была ли эта концепция философской? Маркс думал, что ему удалось увести историческую науку от *философских* спекуляций и поставить на рельсы *научного* анализа. Впоследствии это стали именовать «марксистской философией истории». К. Поппер назвал подобные подходы к смыслу истории «историцизмом» и подверг их критике за недооценку способности людей влиять на ход исторических событий рационально-критическим воздействием на социальную и природную среды своего обитания, за «пассивизм» – смирение человеческого разума перед господством исторических законов¹. В свое время философы (главным образом, отечественные) пытались доказать, что марксистский «историзм» и то, что Поппер назвал «историцизмом», отнюдь не равны между собой: «Историзм не есть историцизм; историцизм не есть технология социального прогнозирования или предвидения, хотя историческое познание и образует его необходимую предпосылку»². Попытки не были совсем бесплодными. Во всяком случае, они способствовали уточнению понятий, что было необходимо для развития релевантных дискуссий.

Смысл истории может быть представлен философом иначе – как тайна, к которой надо приближаться не научным, а каким-то иным путем. Скажем, духовным усилием, направленным на снятие «отчуждения» от истории через экзистенциальное переживание. Тогда история представляется человеку не как нечто объективно-внешнее, не так, как режущему лягушек Базарову виделись объекты его упражнений. Такой «базаровский» взгляд, по мнению Н.А. Бердяева, характерен именно для исторической науки. «Историзм, свойственный исторической науке, сплошь и рядом бывает очень далек от тайны “исторического”. Он к ней не подводит. Он потерял все способы сообщения с этой тайной. Для того, чтобы приобщиться к внутренней тайне “исторического”... нужно пройти через противоположение познающего субъекта познаваемому объекту... Нужно вернуться к тайникам исторической жизни, к ее внутреннему смыслу, к внутренней душе истории для того, чтобы осмыслить ее и построить настоящую философию истории»³. «Настоящая философия истории», как ее понимал Бердяев, есть нечто, преодолевающее научный «историзм». Отсюда и терминология, непереводаемая на язык науки: «внутренняя душа истории», «внутренний смысл истории», «обращение духа к тайнам исторического» и т. п. За этими туманными выражениями – представление об «историческом» как «ноуменальном», не подлежащем суждению науки, имеющей дело лишь с «феноменами».

¹ Поппер К.Р. Ниццета историцизма. М., 1993.

² Ракитов А.И. Историческое познание. Системно-гносеологический подход. М., 1982. С. 242.

³ Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990. С. 6.

Бердяев прямо заявляет, что «историческое есть откровение о ноуменальной действительности»⁴. Чтобы «проникнуть в эту тайну “исторического”, я должен, прежде всего, постигнуть это историческое и историю как до глубины *мое*, как до глубины *мою* историю, как до глубины *мою* судьбу»⁵. Тогда откроется, что «истинная философия истории есть... приобщение человека к другой, бесконечно более широкой и богатой действительности, чем та, в которую он ввергнут непосредственной эмпирией»⁶.

Такую философию истории именуют «историософией». Этот термин также неоднозначен. В то время, когда историческая наука не была готова (ни концептуально, ни методологически) научно систематизировать и синтезировать данные историографов, возникла необходимость в причинных объяснениях исторических фактов на спекулятивной основе. Таковы историософские опыты Н. Макиавелли, Ж. Бодена, Ф. Бэкона, Д. Вико, Ш.Л. Монтескье, И.Г. Гердера и других мыслителей XVI–XVIII вв., в том же направлении уже в XVIII–XIX вв. выстраивали философию истории И. Кант, Г. Фихте и Г.В.Ф. Гегель. Историософские опыты продолжаются и в наши дни, несмотря на негативные коннотации, которыми оброс этот термин под влиянием позитивистской критики «метаисторических» конструкций. В наше время мысль о том, что философскими рассуждениями можно как-то превзойти науку, критически оценивать ее результаты и даже указывать ей магистрالی движения, вызывает отторжение у большинства историков. Они иногда заявляют, что исторической науке философия все же нужна, но в иной форме и роли: например, как руководство по «радикальному скептицизму», предохраняющему от догматизации мифических конструкций, которые, что греха таить, иногда порождаются и самой наукой. «Избавление науки, в том числе исторической, от бесчисленных мифов стало возможным во многом благодаря феноменологии Эдмунда Гуссерля», – пишет А.Л. Юрганов⁷. Могут быть и другие предпочтения; во всяком случае, на воображаемом совещании группы ученых, занятых междисциплинарным исследованием какой-то проблемы, философу приходится доказывать свое право на участие в такой работе, ибо оно далеко не бесспорно⁸.

2. В ином смысле «философия истории» – название для различных направлений философского анализа истории как *науки*. Время от времени вновь задается сакраментальный вопрос о том, является ли история наукой, и если да, то в чем ее специфика, например, в сравнении с «науками о природе». Вопрос этот обсуждается издавна, но едва ли можно сказать, что здесь уже все ясно. Часто этот вопрос переводится в методологический план. Таково, например, классическое противопоставление «номотетической» методологии естествознания «идиографическому» методу истории (Г. Риккерт и др.), эхо которого еще звучит и в современных исследованиях по методологии наук об обществе и культуре. Но сведение философии науки к методологии, как показывают современные исследования, сужает сферу ее интересов и не устраняет, но даже усиливает сомнения в ее значимости для науки. Методологические поиски, безусловно, необходимы, но нужна ли для этого специальная

⁴ Бердяев Н.А. Смысл истории. С. 15.

⁵ Там же. С. 17.

⁶ Там же.

⁷ Юрганов А.Л. Нужна ли исторической науке философия истории? (Отклик на статью С.А. Никольского) // Филос. журн. / Philosophy Journal. 2018. Т. 11. № 4. С. 129.

⁸ Порус В.Н. К вопросу о междисциплинарности философии науки // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2005. Т. 4. № 2. С. 54–76.

философская дисциплина? Не предоставить ли ученым самим заниматься этим делом, не ожидая помощи специалистов-философов, компетентность которых в научных вопросах, требующих особых знаний и опыта, едва ли бывает достаточной?

Если история – наука, то философия истории занимается не только методологией, которой руководствуются историки в своих исследованиях, но и вопросами единства (преемственности) исторического знания, отношениями между различными историческими концепциями, условиями, при которых возникают и разрешаются противоречия между ними, всем контекстом исторического исследования, включая его институциональные, социально-культурные и политические аспекты.

Как связаны между собой смыслы термина «философия истории»? Их противопоставление встречается в спорах между философами, в принципе разделяющими мысль о «ноуменальности» исторического, и историками, склоняющимися к тому, что следовать отвлеченным философским концепциям о смысле исторического процесса – дело бесполезное, если не вредное, поскольку это ограничивает историческую науку в познании исторической действительности во всей ее конкретности.

Так, полемизируя с замечанием А.Я. Гуревича о том, что «опирающийся на источники и на научную традицию историк лишен возможности следовать за философом и социологом в эти заоблачные дали»⁹, В.М. Межуев пишет: «Историк не только не может, но и не должен следовать в “заоблачные дали” за философом, поскольку последнего интересует в истории совсем не то, что историка»¹⁰. «Философия истории... есть постижение истории с позиции человека, живущего в свободном времени»¹¹. Как возможна такая позиция? Философ смотрит на историю как на *умопостижимый* объект, существование которого определено его целью, а не совокупностью исторических фактов. И эта цель – достижение общественного состояния, базирующегося на свободном времени, которое является неперенным условием производства человеком себя во всем богатстве связей и отношений с другими людьми.

Откуда мы знаем, что у человеческой истории – именно эта, а не какая-то другая цель, если вообще можно говорить о целях истории? Мы, конечно, не *знаем* этого в том смысле, в каком мы говорим о знании, полученном из опыта или логических рассуждений. Мы *полагаем* эту цель, думая о прошлом и будущем и считая, что будущее видится таким, каким его хотят видеть люди, живущие «здесь и теперь», в историческом времени и в определенной культуре. Прислушиваясь к Бердяеву, можно было бы повторить, что люди размышляют о будущем как о *своем* будущем, хоть и не рассчитывают жить в нем. Это означает, что образ будущего – как цель, к которой якобы устремлена история, – они выводят из своих оценок исторических фактов и своего жизненного контекста. Но люди разных культур и исторических эпох судят о будущем по-разному и по-разному представляют цели, каких хотелось бы достичь, направляясь к нему. Какое из таких суждений превосходит другие по ценности? На такой вопрос, по-видимому, нельзя ответить ни априори, ни опираясь на исторический опыт, ни ссылаясь на якобы непреложные законы истории. Эти суждения принимаются или отвергаются по другим основаниям. За ними – мечты и разочарования,

⁹ Гуревич А.Я. Теория формаций и реальность истории // *Вопр. философии*. 1990. № 11. С. 42.

¹⁰ Межуев В.М. История в зеркале философии // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки*. 2016. Т. 47. № 1. С. 27.

¹¹ Там же. С. 36.

счастливым и горестным опытом поколений, человеческие надежды и поиск способов их свершения. Поэтому говорить о цели истории – значит рассуждать о том, как эта цель соответствует или противоречит ценностным ориентациям людей данной культуры. Об этом позволяют судить научные исследования, в первую очередь – культурологические.

Философ, постулирующий цель истории, тем самым выражает схваченные им чаяния культуры, выраженные в ценностных и символических абстракциях. Вспомним слова Р.Дж. Коллингвуда о том, что философы истории занимаются не историей «как она есть», а пытаются понять, почему ученые-историки работают со своим материалом так, а не иначе и что они думают об этом материале. «Философия истории», писал он, «обозначает особую область философского исследования, посвященную специфическим проблемам, связанным с историческим мышлением»¹².

Замечу, что перечень этих проблем не ограничен теми, на которые указывал Коллингвуд: онтологией истории (разработка понятий «событие», «процесс», «прогресс», «цивилизация» и др.) и методами исторического исследования. Сегодня можно занести в этот круг проблему выбора исторических концепций для объяснения исторических фактов, проблему ценностных факторов принятия или отвержения таких объяснений, определение их места в предвидении и переживании исторических событий, выяснение роли культурного контекста в формировании исторических объяснений и др.

Но ведь те же или подобные эпистемологические проблемы можно поставить и относительно историософских концепций. Как и почему эти концепции возникают, в каком культурном контексте, какие факторы влияют на всплеск и угасание интереса к ним? В чем специфика отношения к ним историков и философов, принадлежащих к различным идейным традициям и направлениям? Не факт ли, что эти концепции приобретают или теряют популярность в зависимости от общего состояния и динамики культуры данного исторического этапа, от сдвигов мировоззренческих ориентиров, вызванных экстремальным историческим опытом?

Это значит, что различные смыслы «философии истории» – если не оставаться в рамках одной только методологии – не разделены барьером антагонизма. Они сосуществуют в реальной истории «философии истории».

Исторические «константы» – историософское или историко-научное понятие?

Обсуждение статьи С.А. Никольского¹³ идет в русле полемики вокруг «философии истории». В статье предлагается взгляд на историю России, основанный на констатации относительной неизменности (в течение длительного исторического времени) «стержневых опор» общественного бытия: империи, самодержавия, собственности-власти, народности и православия. Эти характеристики имеют двоякую природу. С одной стороны, это действующие на протяжении веков способы организации и функционирования общества, с другой – это формы ментальности, соответствующие этим способам и удерживающие их в реальности. Вопрос, ради которого, я думаю, написана ста-

¹² Коллингвуд Р.Дж. Автобиография // Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 366.

¹³ Никольский С.А. Российская философия истории: опыт понимания // Филос. журн. / Philosophy Journal. 2018. Т. 11. № 4. С. 115–128.

тя, заключается в следующем: учитывая роль, какую играют эти константы в современной России, возможно ли представить такое развитие исторического процесса, которое отменит или изменит их?

С.А. Никольский относит этот вопрос к сфере философии истории. Нужно было бы уточнить: философии истории – в каком смысле? Если это философия истории как анализ исторического познания, то концепцию «исторических констант» надо поставить на почву апробированной научной методологии. То есть нужно ответить на вопросы: как устанавливается константность этих онтологических и ментальных форм, на какие исторические факты опирается утверждение об их наличии в вековой истории страны и какими логическими средствами обработаны эти факты? Если же это философия истории как мыслительная конструкция, играющая роль схемы объяснения исторических фактов и предшествующая такому объяснению, то чему служит эта схема, какую цель исторического развития России она предлагает и чем эта цель привлекательна?

Оба названных смысла «философии истории» в статье С.А. Никольского, как мне кажется, не получают явного различия. Это порождает вопросы, переходящие в возражения.

В статье подчеркивается, что мысль о константности онтологических и ментальных оснований российской общественной и политической действительности приходит, главным образом, от осознания цикличности, повторяемости основных этапов российского исторического процесса. Например, это ставший притчей во языцех цикл «застой – реформы – контрреформы – новый застой», чередования «авторитарных» (вплоть до диктатуры) и «либеральных» («полулиберальных» или даже псевдолиберальных) периодов. Цикличность эта имеет признаки «порочного круга», но дело не в логике, а в отчаянной безуспешности попыток найти путь устойчивого развития страны, которое было бы принято большинством ее населения как бесспорное благо. От этой безуспешности возникает впечатление «заколдованного места», вроде того, о котором сказано в повести Гоголя: «...на заколдованном месте никогда не было ничего доброго. Засеют как следует, а взойдет такое, что и разобрать нельзя: арбуз не арбуз, тыква не тыква, огурец не огурец... черт знает что такое!»¹⁴. Циклы российской истории, если сойти на эмоциональную оценку, это какое-то проклятие для России, чему даются различные (в том числе и вздорные) объяснения, когда говорят о некой миссионерской роли нашей страны, идущей в истории особым путем, не поддающимся рациональному осмыслению, и т. п.

Если циклы постоянны, значит, надо искать их причину в действии постоянных факторов (констант). Объяснять же наличие констант – это представить либо исторической науке, либо историософии. А вдруг, если найдется хорошее объяснение, удастся как-нибудь устранить эти факторы? Сделать так, чтобы константы перестали быть константами! С чего начать?

С.А. Никольский останавливается на описании констант российской истории, привлекая для этого подбор фактов и характеристик, данных российской истории различными мыслителями и исследователями, в том числе русскими писателями, выразившими свое отношение к «константам» в художественных образах и публицистике. Критики, естественно, вправе задать вопрос: достаточно ли это описание, не грешит ли оно тенденциозностью и односторонностью? Например, А.Л. Юрганов упрекает автора в

¹⁴ Гоголь Н.В. Заколдованное место // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 23 т. Т. 1. М., 2003. С. 245.

«одномерности философского дискурса», т. е. в том, что он подчиняет описание исторической ситуации абстрактной схеме, по которой выходит, что «константы» детерминируют буквально все, что в этой ситуации достойно упоминания: культурные особенности, доминанты действия и нравственного выбора, способы «вживания» в эту ситуацию и т. п. Получается насилие над историческим материалом, который втискивается в схему объяснения, «отчужденность от контекста истории», что ведет и к «неадекватным оценкам». Например, раскрывая содержание такой константы, как империя, С.А. Никольский говорит об «обязательности» сакральной фигуры вождя, завершающей и увенчивающей архитектуру общественного устройства. Но «сакральных вождей» среди российских самодержцев, замечает критик, было совсем немного, большинство же выглядели глупцами и «слабаками» в глазах современников.

Того же рода упрек в том, что люди в концепции Никольского предстают пешками, которые «могут стать только жертвами неизбежного выбора, который сделает тот, кому на роду написано быть русским самодержцем в прошлом, настоящем и будущем»¹⁵, а каков будет этот выбор, об этом остается гадать или доверяться утопиям и антиутопиям. Но ведь, рассуждает историк, люди не пешки, их действия направляются множеством факторов, среди которых – их сознательный, личностный выбор. А это значит, что в определении путей истории участвует отнюдь не только воля всяческих вождей, но личное и общественное самосознание, «которое включает в себя бесконечное множество всего, что составляет жизненный мир современника»¹⁶.

Это типичные возражения, которые, я думаю, вызваны как раз смешением смыслов термина «философия истории». Историк протестует против того, чтобы историософская схема применялась как объяснение всех и всяческих исторических конкретностей (фактов, событий, поступков отдельных людей и действий широких масс). Этого делать нельзя, настаивает он, потому, что сама эта схема не обоснована эмпирически, а потому может быть ошибочной, ложной. Но историософские концепции и не предназначены для таких невозможных методологических подвигов. Если бы они были возможны, такая схема не была бы историософской, а исторические объяснения не отличались принципиально от «номологических» объяснений, какие имеют место в естествознании.

Исторические факты не выводятся из историософских схем. Эти схемы назначаются для другого. Они являются попытками выявить смысл (или бессмыслие) истории, исходя из представлений о ее цели (или бесцельности). Иначе они были бы просто не нужны.

Поэтому возражения против дедукции истории из историософии совершенно справедливы, но лишь в том случае, когда историософию выдают за методологическую базу исторической науки. Если этого не делать, возражения повисают в воздухе. Например, «реальная», т. е. исторически конкретная, империя с глупым или слабым императором не соответствует своему «ментальному образу» или «идеи империи», как в платоновской онтологии вещь является лишь несовершенным подобием своей идеи. А учет многообразия факторов, оказывающих влияние на исторические события, с точки зрения историософа, несколько не приближает к пониманию общей цели, ради которой эти события якобы и случаются.

¹⁵ Юрганов А.Л. Нужна ли исторической науке философия истории? С. 133.

¹⁶ Там же. С. 136.

Историк вправе объявить *любую* историософскую концепцию (а не только концепцию «констант» общественного бытия) *эмпирически несостоятельной*: «такая философия намеренно сужает поле своего применения и, к сожалению, не в состоянии помочь гуманитарной науке»¹⁷. Здесь можно еще раз вернуться к ответам В.М. Межуева на сходные упреки в адрес философии истории: «Никакая серьезная философия истории не подряжалась служить историку вспомогательным средством в его работе над эмпирическим материалом, не брала на себя роль “служанки” исторической науки. Философия, разумеется, обязана считаться с результатами исторических исследований, но не сводит к ним цели и задачи собственного исследования истории»¹⁸.

Историософская реконструкция истории – это попытка определить «желаемую» цель исторического развития. Эту цель не в состоянии определить *историческая наука*. Еще раз: это не ее дело. Когда историософ говорит о целях исторического процесса, он лишь пытается выразить ценностные ожидания своей культуры, как он их понимает. Разумеется, нет гарантии, что его понимание совпадет с ожиданиями большинства людей, его современников и соучастников в культуре. Чаще бывает совсем наоборот.

Поэтому философ рискует. Иногда свободой и жизнью, как это было с Сократом и Платоном в древних Афинах. Но чаще – тем, что современники его не поймут, объявят «мечтателем опасным» или пустословом.

Как часто бывает, представления о цели истории, желаемый «образ будущего» складывается у большинства людей под влиянием «вождей», располагающих огромным арсеналом средств – от прямого насилия, идеологической и политической демагогии до изоциренных аналогов «башен-излучателей» из «Обитаемого острова» Стругацких. Применением этих средств получается *суррогат единства* людей в пространстве ценностей и – как следствие – общий, повторяемый на все лады, вбитый в головы образ цели, к которой якобы устремлена история. Поэтому, если довериться, например, социологии, то «суммарное представление о будущем», полученное из опросов (как бы ни были они тонко сконструированы и организованы), может оказаться причудливой фантазией на темы господствующей пропаганды, иногда со скептической ухмылкой, иногда – с фанатическим энтузиазмом.

Поэтому, советует С.А. Никольский, надо искать «дополнительные (если не иные) основания для наполнения смыслом устремлений в будущее. И здесь на помощь приходит отечественная философствующая классика (“художественная философия”) с ее формами утопии, антиутопии и документальной прозы»¹⁹. Я думаю, это дельный совет. Приходится признать, что классическая художественная литература (и не только русская, конечно), обладает таким историческим чутьем, способна на такие прозрения о будущем, которые, не будучи научными, по своей сути, превосходят возможности научного «историзма». Впрочем, историософия (вспомним Бердяева!) часто апеллирует именно к тем силам культуры, которые опираются на творческую интуицию, на способности разбудить и привести в движение скрытые ресурсы человеческого духа, включить «прозрений дивный свет», вырывающий будущее из тьмы незнания.

¹⁷ «Эмпирическая состоятельность» или «адекватность» теоретической конструкции – это сложный вопрос философии науки. Здесь нет возможности останавливаться на нем. Замечу только, что этот вопрос всегда актуален для любой научной теории, с любым уровнем «корроборации» (в терминах К. Поппера), т. е. с тем или иным индексом доверия со стороны ученых, которым неизвестны значимые случаи опровержения ее положений.

¹⁸ Межуев В.М. История в зеркале философии. С. 27.

¹⁹ Никольский С.А. Российская философия истории. С. 123.

А если избрать «апофатический» путь? Не наделять желаемый образ будущего какими-то «положительными» (воображаемыми, как в фантастических романах) характеристиками, а представить, что в этом будущем не будет знакомых до боли форм зла. Например, пусть в желаемом будущем не станет болезней и ранней смерти, не будет ограничений свободы творчества, исчезнет грязь в человеческих отношениях, нищета, голод и унижения человеческого достоинства. И так далее, вплоть до «свободного развития каждого как условия свободного развития всех». Такая возвышенная цель, конечно, найдет своих фанатов, они смогут, наверное, даже на какое-то время составить большинство. Правда, упрямая и жестокая действительность рано или поздно опрокинет фанатизм и обратит его в свою противоположность – сарказм по отношению к историософским мечтаниям.

Но идея освобождения от зла, господствующего в прошлом и настоящем, всегда заражала и продолжает заражать оптимизмом. Поэтому историософ, даже *понимая* неосуществимость постулируемых им «желаемых» целей истории, все же *полагает* их, потому что не знает другого достойного сопротивления действительности.

Из-за не вполне ясного различения смыслов термина «философия науки», когда речь идет об историософии, ее упрекают в недостатке научности, а когда говорят об анализе исторического познания, то предлагают обогатить его историософскими идеями. Например, когда говорят о том, что научная практика историка все больше обращается к выстраиванию нарративов как форм исторического знания, а потому актуализируется проблема генезиса различных нарративов и факторов их взаимодействия, естественно возникает необходимость объяснить целевую направленность этого процесса. Но такое объяснение – это проблема, выходящая за пределы возможностей нарративного анализа как такового. Например, рассуждая о нарративе «особого пути», по которому движется Россия, Г.Л. Тульчинский замечает, что такой нарратив вызывает сомнения, поскольку в его основе – допущение об «изначальности» этого пути, которое не имеет эмпирического обоснования, но служит выстраиванию некоторой историософской концепции. Он полагает важным и даже необходимым «историософский поиск в контексте, в котором представления о предмете философии истории могут выйти к более широкому горизонту»²⁰. Что же, это заслуживает обсуждения. Во всяком случае, такое предложение согласуется с тем, что было сказано выше: оба смысла «философии истории» не только не отделены пропастью друг от друга, но при определенных условиях могут взаимно диффундировать.

Философия истории в контексте общественных дискуссий

То, что историческая наука является фактором формирования общественного сознания, вряд ли может быть оспорено. Но действие этого фактора не всегда одинаково. Оно усиливается в периоды социальной, политической и экономической нестабильности и может даже служить индикатором последней. Чем беспокойнее сегодняшний день, тем настороженней люди всматриваются в прошлое и тем более неуравновешенны их ожидания будущего. Именно поэтому так напряжены споры вокруг исторических событий, трактовка которых касается нервов исторической памяти и влияет на оценку современных социально-политических процессов.

²⁰ Тульчинский Г.Л. Философия истории: от нарративов к факторам наррации // Филос. журн. / Philosophy Journal. 2019. Т. 12. № 1. С. 123.

Это относится и к философии истории. Когда философы рассуждают об исторической науке или выдвигают свои предположения о целях истории, к ним неравнодушно прислушиваются не только историки-специалисты. Здесь надо отметить, что, в отличие от истории как науки, философия истории практически не имеет институционального оформления, ее «локус» размыт. Отчасти поэтому об исторических событиях «философствуют» не только специалисты. Дилетантская или обыденная «философия истории» распространена во всех слоях общества и создает особую среду, в которой профессиональные суждения об истории профанируются.

Это означает, что в густое переплетение общественных оценок истории суждения профессиональных историков и философов попадают не непосредственно, а в превращенном виде, часто в виде мифов или сознательных искажений, которые делаются по заказу заинтересованных в этом социальных и политических структур или в угоду им.

Как было сказано, философия истории имеет интерес ко всему контексту, в котором работает история как наука. В поле ее внимания попадает спектр влияний, оказываемых на историков в этом контексте: политические давления, идеологические споры, переливы и перепады общественного мнения, формируемые через СМИ, и т. п. Она и сама находится в том же контексте, являясь его составной частью. И это значит, что философия истории находится в непрерывной саморефлексии. Испытывая влияние контекста, она в то же время должна исследовать этот контекст, определять свое отношение к нему, вырабатывать принципы его рациональной критики и, следовательно, самокритики.

Выполнимы ли такие задачи? Как ни странно, но и этот «скептический» вопрос также стоит перед философией истории, хотя не только перед ней. Не углубляясь в него, замечу, что философия истории просто вынуждена ответить положительно – во что бы то ни стало. Иначе ей не быть – не быть чем-то значимым в культуре.

Но чтобы иметь право на положительный ответ, философия истории должна обрести новые формы, когнитивные и институциональные. Надо сказать, что поиск этих форм идет давно и трудно. Новые формы философии истории – в любом смысле этого термина – встречаются с естественным недоверием со стороны приверженцев традиций. Например, новаторские идеи Х. Уайта десятилетиями пробивают себе путь к дискуссиям в профессиональной среде. И если сегодня Г.Л. Тульчинский говорит о «нарративном тренде» в исторической науке как о том, что уже широко признано философами истории (об этом свидетельствует обширный ссылочный аппарат его статьи), то еще несколько десятилетий назад подобные идеи Х. Уайта²¹ воспринимались в штыки. «Уайта нередко обвиняли в непрофессионализме и некомпетентности, многие историки не принимают его “релятивизм”, а литературоведы критикуют его “формальный” метод»²². «Нарративное» представление об исторических событиях как о том, что создают историки, действительно вызывает подозрение в «релятивизме», но насколько верны и важны эти подозрения? По мнению Уайта, историк ведь только и делает, что строит рассказ об историческом событии, и «рассказанное событие» затем живет собственной жизнью в историческом знании.

²¹ См.: White H. The Content of the Form. Narrative Discourse and Historical Representation. Baltimore, 1987; White H. Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe. Baltimore; L., 1973 (рус. пер.: Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX в. Екатеринбург, 2002).

²² Кукарцева М.А. Хейден Уайт и практика исторических исследований XX в. // Диалог со временем. Вып. 24. М., 2008. С. 17.

Напрашивающийся вопрос о том, как соотносится «нарратив» со своим объектом, не стоит ставить в прямую аналогию с кантовским различием «феномена» и «вещи самой по себе», но возможна более точная аналогия: с «конструктивным реализмом» (Р. Харре, В.А. Лекторский и др.), согласно которому «любая конструкция предполагает реальность, в которой она осуществляется и которую она выявляет и пытается трансформировать. <...> Реальность выявляется, актуализируется для субъекта только через его конструктивную деятельность»²³. По сути, «нарративная» методология в исторической науке есть разновидность конструктивизма, с тем, однако, отличием, что конструкции историка больше зависят от социально-культурного контекста, чем, скажем, конструкции физика или биолога. Впрочем, это еще надо проверять.

Здесь замечу только, что «нарративизм» в философии истории выступает как указатель ее приближения к «контекстуализму»²⁴, который для нее оказывается каналом и формой связи с социально-культурными, политическими и иными контекстами исторических исследований. И вовлеченность в общественные дискуссии, участие в формировании и трансформациях общественного мнения становится не только очевидным, но важнейшим условием современного существования этой сферы философского исследования.

Список литературы

- Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.
- Гоголь Н.В. Заколдованное место // Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 23 т. Т. 1. М.: Наука, 2003. С. 240–245.
- Гуревич А.Я. Теория формаций и реальность истории // Вопр. философии. 1990. № 11. С. 34–55.
- Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М.: Канон+, 2008. 542 с.
- Коллингвуд Р.Дж. Автобиография // Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография / Пер. с англ. Ю.А. Асеева. М.: Наука, 1980. С. 321–417.
- Кукарцева М.А. Хейден Уайт и практика исторических исследований XX в. // Диалог со временем. Вып. 24. М.: Едиториал УРСС, 2008. С. 5–34.
- Лекторский В.А. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке / Под. ред. В.А. Лекторского. М.: Канон+, 2009. С. 5–40.
- Межуев В.М. История в зеркале философии // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2016. Т. 47. № 1. С. 25–36.
- Никольский С.А. Российская философия истории: опыт понимания // Филос. журн. / Philosophy Journal. 2018. Т. 11. № 4. С. 115–128.
- Поннер К.Р. Ниццета историцизма / Пер. с англ. С.А. Кудриной. М.: Прогресс, 1993. 188 с.
- Порус В.Н. К вопросу о междисциплинарности философии науки // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2005. Т. 4. № 2. С. 54–76.
- Порус В.Н. Контекстуализм в философии науки // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 2. С. 75–93.
- Ракитов А.И. Историческое познание. Системно-гносеологический подход. М.: Политиздат, 1982. 303 с.

²³ Лекторский В.А. Реализм, антиреализм, конструктивизм и конструктивный реализм в современной эпистемологии и науке // Конструктивистский подход в эпистемологии и науках о человеке. М., 2009. С. 37.

²⁴ Касавин И.Т. Текст. Дискурс. Контекст. Введение в социальную эпистемологию языка. М., 2008; Порус В.Н. Контекстуализм в философии науки // Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55. № 2. С. 75–93.

Тулчинский Г.Л. Философия истории и нарративы исторической памяти // Филос. журн. / Philosophy Journal. 2019. Т. 12. № 1. С. 117–129.

Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX в. / Пер. с англ. Е.Г. Трубиной, В.В. Харитоновой, М. Перцева и др. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 528 с.

Юрганов А.Л. Нужна ли исторической науке философия истории? (Отклик на статью С.А. Никольского) // Филос. журн. / Philosophy Journal. 2018. Т. 11. № 4. С. 129–138.

White H. *Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore; L.: The John Hopkins University Press, 1973. 448 p.

White H. *The Content of the Form. Narrative Discourse and Historical Representation*. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1987. 246 p.

Two faces of the philosophy of history

Vladimir N. Porus

National Research University Higher School of Economics. 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: vnporus@hse.ru

The main focus of the article is the double-meaning of the term “philosophy of history”. In the first sense it is understood as a formation of historiosophical explanatory schemes of historical processes, in the second one, it is understood as a philosophical and methodological analysis of historical knowledge and research processes of the historical science. The inability to separate of the two meanings leads to a misunderstanding and a strained relationship between historical studies and the philosophy of history. However, their sharp opposition does not result in any positive outcome. Historiosophy and analysis of historical knowledge serve as platforms for mutual critique. This critique is a necessary condition for finding a solution to one of the most important problems of the philosophy of history: the problem of participation in the formation of a historical consciousness of the contemporary culture.

Keywords: history, historiosophy, philosophy of history, methodology of historical science, historical narrative

References

Berdyayev, N. A. *Smysl istorii* [The Meaning of History]. Moscow: Mysl' Publ., 1990. 175 pp. (In Russian)

Collingwood, R. G. “Avtobiografiya” [An Autobiography], in: R.G. Collingwood, *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The Idea of History. An Autobiography], trans. by Yu. A. Aseev. Moscow: Nauka Publ., 1980, pp. 321–417. (In Russian)

Gogol, N. V. “Zakoldovannoe mesto” [An Enchanted Place], in: N. V. Gogol, *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], Vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 2003, pp. 240–245. (In Russian)

Gurevich, A. Ya. “Teoriya formatsii i real'nost' istorii” [The Theory of Formations and the Reality of History], *Voprosy filosofii*, 1990, No. 11, pp. 34–55. (In Russian)

Iurganov, A. L. “Nuzhna li istoricheskoi nauke filosofiya istorii? (Otklik na stat'yu S.A. Nikol'skogo)” [Does the Science of History Need a Philosophy of History? (A Reply to Sergei Nikol'sky's Paper)], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2018, Vol. 11, No. 4, pp. 129–138. (In Russian)

Kasavin, I. T. *Tekst. Diskurs. Kontekst. Vvedenie v sotsial'nuyu epistemologiyu yazyka* [Text, Discourse, Context. An Introduction to the Social Epistemology of Language]. Moscow: Kanon+ Publ., 2008. 542 pp. (In Russian)

Kukartseva, M. A. “Kheiden Uait i praktika istoricheskikh issledovaniy XX veka” [Hayden White and the Practice of Historical Research in the 20th Century], *Dialog so vremenem*, 2008, Vol. 24, pp. 5–34. (In Russian)

Lektorskii, V. A. “Realizm, antirealizm, konstruktivizm i konstruktivnyi realizm v sovremennoi epistemologii i nauke” [Realism, Antirealism, Constructivism, and Constructive Realism in Contemporary Epistemology and Science], *Konstruktivistskii podkhod v epistemologii i naukakh o cheloveke* [Constructivist Approach in Epistemology and Human Sciences], ed. by V.A. Lektorskii. Moscow: Kanon+ Publ., 2009, pp. 5–40. (In Russian)

Mezhuev, V. M. “Istoriya v zerkale filosofii” [History in the Mirror of Philosophy], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2016, Vol. 47, No. 1, pp. 25–36. (In Russian)

Nikolsky, S. A. “Rossiiskaya filosofiya istorii: opyt ponimaniya” [Russian Philosophy of History: An Essay in Understanding], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2018, Vol. 11, No. 4, pp. 115–128. (In Russian)

Popper, K. R. *Nishcheta istoritsizma* [The Poverty of Historicism], trans. by S. A. Kudrina. Moscow: Progress Publ., 1993. 188 pp. (In Russian)

Porus, V. N. “K voprosu o mezhdistsiplinarnosti filosofii nauki” [On the Interdisciplinary Problem in the Philosophy of Science], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2005, Vol. 4, No. 2, pp. 54–76. (In Russian)

Porus, V. N. “Kontekstualizm v filosofii nauki” [Contextualism in Philosophy of Science], *Epistemology & Philosophy of Science / Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2018, Vol. 55, No. 2, pp. 75–93. (In Russian)

Rakitov, A. I. *Istoricheskoe poznanie. Sistemno-gnoseologicheskii podkhod* [Historical Knowledge: A Systems-epistemological Approach]. Moscow: Politizdat Publ., 1982. 303 pp. (In Russian)

Tul’chinskii, G. L. “Filosofiya istorii: ot narrativov k faktoram narratsii” [Philosophy of history and historical memory narratives], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2019, Vol. 12, No. 1, pp. 117–129 (In Russian)

White, H. *Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth-Centure Europe*. Baltimore; London: The John Hopkins University Press, 1973. 448 pp.

White, H. *Metaistoriya. Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory. The Historical Imagination in Nineteenth-Centure Europe], trans. by E. G. Trubina, V. V. Kharitonov, M. Pertsev et al. Ekaterinburg: Ural. St. Univ. Publ., 2002. 528 pp. (In Russian)

White, H. *The Content of the Form. Narrative Discourse and Historical Representation*. Baltimore: The John Hopkins University Press, 1987. 246 pp.